

Н.Келлай

Из российской глубинки – в науку

научная династия Келлей–Добрецовых

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИЗ РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ — В НАУКУ

НАУЧНАЯ ДИНАСТИЯ КЕЛЛЕЙ—ДОБРЕЦОВЫХ

2-е издание, исправленное и дополненное

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
2009

УДК 001(092)

ББК 72.3

ИЗ2

Серия «Интеллигенты России»

Основана в 2002 г.

Из российской глубинки — в науку: научная династия Келлей—Добрецовых / [ред.-сост. Н. А. Притвиц] ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние. — 2-е изд., испр. и доп. — Новосибирск: Издательство СО РАН, 2009. — 242 с. — (Серия «Интеллигенты России»).

В книге собраны воспоминания, автобиографии и другие документы, характеризующие представителей научной династии Келлей—Добрецовых.

Династия Келлей берет начало от неграмотного безземельного эстонского крестьянина, кузнеца и мельника, династия Добрецовых — от семейства, занимавшегося выделкой кирпича и красильным делом в Великом Устюге. Из этих родов вышли в течение двадцатого столетия два члена Академии наук (геолог и геодезист), два ректора горных вузов, три лауреата Ленинской и Государственных премий, пять профессоров и докторов наук, более десяти кандидатов наук и доцентов.

Собранные в книге материалы, отражающие сложную палитру жизни наших соотечественников в конце XIX и на протяжении XX века, — живое воспоминание об истории становления в России народной интеллигенции.

Редактор-составитель: кандидат технических наук Н. А. Притвиц

Рецензенты: академик В. И. Молодин,
кандидат геолого-минералогических наук В. Д. Ермиков

Использованы материалы из архива семьи Келлей—Добрецовых

ЛЕОНТИЙ НИКОЛАЕВИЧ ДОБРЕЦОВ (1904—1968)

Леонтий Николаевич Добрецов родился 12 ноября 1904 г. в г. Великий Устюг. Учился в Ленинградском университете (ЛГУ), который окончил в 1929 г. В 1929—1936 гг. вел научно-исследовательскую и педагогическую работу в Ленинграде (ЛГУ, Государственном оптическом институте, Ленинградском электротехническом институте), а в 1936—1945 гг. заведовал кафедрами и читал лекции в Среднеазиатском и Казахском университетах. С 1945 г. — вновь в Ленинграде: заведовал лабораторией в Физико-техническом институте АН СССР и одновременно был профессором кафедры физической электроники в Ленинградском политехническом институте. В 1954—1960 гг. (после кончины акад. П. И. Лукирского) заведовал этой кафедрой.

Л. Н. Добрецов. 1959 г.

Л. Н. Добрецов — крупнейший специалист в области физической электроники, в значительной мере сформировавший одну из важнейших ее отраслей — «эмиссионную электронику». Написанная им (совместно с М. В. Гомоюновой) монография «Эмиссионная электроника» (1966), введя в научный обиход этот термин, до сих пор является настольной книгой практически всех ученых, занимающихся этими проблемами. Л. Н. Добрецов внес весомый личный вклад в исследование таких важных научных проблем, как работа выхода, поверхностная ионизация, термоионная и термоэлектронная эмиссии, а также вторичная электронная эмиссия (в частности, им установлено, что важную

Грамота Верховного Совета КазССР Л. Н. Добрецову
«За выпуск оборонной продукции». 1942 г.

роль в последнем явлении играют обратные потоки рассеянных частиц). Он известен также как первооткрыватель и исследователь (совместно с А. Н. Терениным) сверхтонкой структуры спектральных линий атомов. Блестящие лекции Леонтия Николаевича всегда привлекали студентов, и он пользовался у них большим авторитетом.

Леонтий Николаевич был ярким, увлекающимся, высокозрудированным физиком с остро критическим складом ума, темпераментным спорщиком. Любил путешествовать, побывал во многих удаленных от центра страны местах (от Камчатки и Памира до Крайнего Севера). Очень любил детей, был великолепным семьянином.

Сведения о Л. Н. Добрецове можно найти в некрологе в журнале «Радиоэлектроника», 1968. Т. 13, № 10. С. 1914—1916.

(Из книги Электроника в Политехническом // Труды СПбГТУ. 1999. № 474. С. 68—69).

Н. Л. Добрецов

ОБ ОТЦЕ

В своей жизни я встретил много замечательных людей. Но наибольшее влияние на мое формирование оказали отец и дед.

Отец был замечательный ученый, физик-экспериментатор, с критическим складом ума. Он мог бы добиться еще большего, но ему мешала, как он сам выражался, «егозливость». В его жизни было много резких поворотов, не всегда для него удачных, хотя он никогда не изменял главному — своей преданности науке. Он начинал в Ленинградском университете и Оптическом институте при ЛГУ, работал в области оптики и спектроскопии под руководством акад. Д. С. Рождественского. Здесь началось становление его как ученого. Ему удалось вместе с будущим академиком А. Н. Терениным сделать открытие в области атомной спектроскопии.

Но затем он все бросил и уехал в экспедицию на Камчатку (говорят, из-за неразделенной любви, правда в своих воспоминаниях он прямо об этом не говорит). На Камчатке по поручению академика А. Н. Заварицкого он занимался изучением газовых фумарол и даже

Аспирант Н. Л. Добрецов. 1926 г.

Кафедра физической электроники В АПИ. В центре — академик П. И. Лукирский, слева от него — Л. Н. Добрецов, справа — В. Н. Лепешинская и А. Н. Шульман.
1949 г.

написал впоследствии об этом статью с А. Н. Заварицким, но это был лишь случайный эпизод в его научной деятельности. На Камчатке он открыл нечто большее — встретил мою мать Юлию Николаевну*, и я своим появлением на свет тоже обязан этой встрече. После возвращения с Камчатки отец переходит в группу академика П. И. Лукирского и начинает заниматься физической электроникой, достигает здесь успехов, за что ему без защиты присуждают кандидатскую степень. Но затем опять все бросает (возможно потому, что П. И. Лукирский был арестован) и переезжает в Ташкент, затем в Алма-Ату (еще до войны, хотя семья эвакуировалась туда с началом войны)**.

Это было трудное и патриотическое время. Отец вступил в партию, когда фашисты были у стен Сталинграда, исключительно из патриотических побуждений. Он воспитал в военные годы много учеников, хороших физиков, создал при кафедре небольшой завод по ремонту электролампочек и производству спецламп. От службы в армии его освободили (он пробыл там несколько месяцев). Решили, что учить студентов и ремонтировать электролампочки он умеет лучше.

Но это время было малоэффективным для него как для ученого. После возвращения в Ленинград по вызову академику П. И. Лукирского он

* Подробнее об этом — в «Камчатском дневнике» Л. Н. Добрецова и «Камчатских записках» Ю. Н. Келль.

** Об этом периоде жизни Л. Н. Добрецова — в записках «Из Джаркентской тетради» и в «Ходатайстве о возвращении в Ленинград». (Прим. Н. А. Притвиц).

Л. Н. Добрецов на институтском
капустнике. 1949 г.

защищает в Физтехе докторскую диссертацию, основанную на еще довоенных работах. Оппонентами у него были академики Л. А. Арцимович и В. И. Векслер, давшие блестящие отзывы. Позже на основе диссертации выходит его книга «Вторичная электронная и ионная эмиссия», служившая настольной книгой нескольким поколениям физиков-электронников. Но в этом же 1946 г. его привлекают к работе над атомной бомбой, сначала в Физтехе, затем несколько месяцев он работает в Сухуми с группой пленных немецких физиков. Он рассказывал, что отвез его в Сухуми сам Л. П. Берия.

Об этом эпизоде в работе над

атомной бомбой очень мало известно. Вернувшись из Сухуми, он продолжал работать в атомном проекте, но в одном из экспериментов попал под облучение, долго болел, в проекте более не участвовал и вообще после этого заметно снизил творческую активность. В 50-е годы он выступает инициатором проекта по электронным преобразователям электрической энергии, организует ряд всесоюзных совещаний, но и здесь у него что-то не получилось. Отца несколько раз выдвигали в члены-корреспонденты АН СССР, но так и не избрали.

Отец был не только замечательный ученый, но и блестящий лектор. Воспоминания о его лекциях прозвучали во время празднования столетия Ленинградского Политеха. В книге о кафедре физической электроники* Вера Николаевна Лепешинская, один из старейших профессоров Политеха, написала об отце так: «Это была яркая личность. Я впервые увидела его за много лет до этого на капустнике в Оптическом институте, где он изображал Д. С. Рождественского. Он так прекрасно копировал манеры и голос Дмитрия Сергеевича, что весь зал гремел от смеха. Мне сказали, что играл эту роль студент-выпускник университета Добрецов. Имя мне ничего не говорило, и я забыла

* Электроника в Политехническом// Тр. СПбГТУ. 1999. № 474. С. 162.

о нем. Но когда пришла на кафедру, вспомнила то его юмористическое выступление. Думаю, что именно артистический талант помогал ему великолепно читать лекции. Он был большой эрудит в физике и любил устраивать вечера вопросов и ответов, когда любой, в первую очередь — студент, мог задать ему вопрос из любого раздела физики, он сразу давал ответ...».

Помню, что отец несколько раз приходил к нам в школу, вместо урока физики рассказывал о физических загадках и показывал занимательные опыты. Чаще всего он приносил дьюаровский сосуд с жидким азотом, замораживал ртуть в виде молотка и забивал ртутным молотком резиновые гвозди в пробку... С ним было интересно гулять вечером по парку Политеха и обсуждать как общие вопросы, особенно международные новости, так и мои геологические проблемы. Он как-то загорелся моим рассказом о тектонике плит, прочитал автореферат докторской диссертации О. Г. Сорохтина — одной из первых работ у нас в стране на эту тему, и написал большой критический отзыв на эту диссертацию. Отец любил повторять, что лучше быть хорошим сапожником, чем плохим ученым.

Еще он был душой общества на семейных вечеринках и банкетах, которые довольно часто — даже в трудные послевоенные годы — поочередно бывали в доме Келлей или у нас дома в Лесном. Отец любил шутки, анекдоты и песни, и сам начинал многие шуточные, студенческие и полухулиганские песни, которым я в основном от него и научился. Как он говорил, «чтобы петь такие песни, не надо иметь ни голоса, ни слуха, а одно нахальство». Фальшивым баритоном он выводил: «Ехал поп Макарий, ляпнулся в грязь харей. Удивительно, поучительно, вразумительно...».

Впрочем, это уже в основном взрослые воспоминания. В детстве я его помню хуже. Он вечно был занят, и нами больше занималась мама. Она иногда жаловалась на наши «безобразия», он вызывал к себе «на разговор», расспрашивал, скучно читал нотации, но, увидев меня, переминающегося с ноги на ногу (скорее бы он кончил), внезапно менял тему и рассказывал что-нибудь увлекательное. Рыбалку и грибную он не любил, но с удовольствием принимал участие в шумных компаниях, которые выезжали на берег озера тянуть невод и варить уху. Такие выезды нередко организовывал дед* летом в Вышегороде.

* Отец моей матери, Н. Г. Келль. (Прим. Н. Л. Добрецова).

КАМЧАТСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

*Из камчатского дневника Л. Н. Добрецова
(с Выдержками из камчатских записок Ю. Н. Кель)*

В дороге

4/IV 1931 г.

Этому числу соответствует особая точка моей жизненной кривой. Еще сегодня я вел занятия с оптиками, был в Физическом и Оптическом институтах, а сейчас — вагон скорого поезда на Москву. Остались позади сборы, волнения (поеду — не поеду), физика и пр. Еще вчера я с треском взял последний барьер — вырвался из ГОИ /Оптический институт/!..

Вместе со мной едет Бор. Ив. Пийп* — аспирант Горного института, прораб нашей экспедиции. Моего брата Володю, провожавшего меня, умилили его чемоданы — не чемоданы, а выночные ящики. Да, основательно едут люди!

22 ч. 15 мин.! Второй звонок! Прощай, Ленинград!

5/V

Вчера уснул в Любани — сегодня проснулся в Клину. Полтора часа — и Москва. Простояв длиннейшую очередь, сдали вещи в камеру хранения. Без особых хлопот получили в Бюро распределения лист — наряд на номер в гостинице «Версаль». Номер — на троих. Третьим оказался некий инженер из Архангельска...

Погода в Москве неважная. Проливной дождь вымочил меня вдребезги. Однако, пока ходил туда-сюда — высох. Вечером бродил по Москве. Видел Москворецкую набережную, Кремль, Красную площадь. Был в Мавзолее Ленина.

* Б. И. Пийп (1906—1966) — вулканолог, в будущем член-корреспондент АН СССР (с 1958 г.), с 1959 г. — директор Камчатской геолого-геофизической обсерватории, с 1962 г. — директор Института вулканологии СО АН СССР на Камчатке. (Прим. Н. Л. Добрецова).

8/IV

Приехали Ал. Ник. Заварицкий*, Сергей Карлович Косман, Мих. Георг. Платунов и Юлия Ник. Келль. Ездили с Серг. Карловичем в институт Курортологии насчет протекции для получения билетов. Нужного человека не застали. Впрочем, к вечеру С. К. привез записочку в кассу для командировочных — должно быть получим на скорый! Вопросы с продовольствием на дорогу откладывались до завтра — после выяснения дела с билетами. Решили купить только шоколада. Пошли по магазинам — нигде нет! Случайно зашли в пивную Моссельпрома — продается шоколад. Купили с Бор. Ив. по 10 плиток. Вот где иногда можно найти дефицитные товары!...

10/IV

Поезд уже успел опоздать на 2 часа! В Вятке отправили телеграмму Пырхову о нашем выезде. Я и Бор. Ив. купили плетеные туфли. Обедали в вагоне-ресторане. Кормят вполне прилично! 4 блюда за 2 руб. 50 коп., пиво — 1 р. за бутылку...

12/IV

Проснулись около Омска. Едем степью. Ландшафт довольно однобразный. Пыль лезет всюду. Особенно страдает от пыли Мих. Георг. Прискает в купе воду, затыкает щели около окна, но пыли не меньше. За чаями усиленно истребляем обильные продовольственные запасы Юлии Николаевны...

14/IV

Проснулись около Куйтуна. Опоздание уменьшилось до 1 ч. Ну, может быть, и увидим Байкал. Настроение у нашей компании отличное. Смеемся над всякой глупостью. Мих. Георг. сыплет изречениями вроде — «кишка кишке кукиш кажет» (когда хочется есть), «сущеные Рамзесы» (про себя и меня), «ходячая сдоба» (про Юл. Никол.)... Проезжаем мимо Байкала. Картины — не оторвешься от окна. Смотрим и вбок, и сзади поезда. Описывать — все равно не описать! Смотрели в окна до темноты.

15/IV

...Написал письмо П. Ив. Лукирскому**. Подписался Чудилӯо (Человек, удравший далеко из Ленинграда)...

* А. Н. Заварицкий (1884—1952) — выдающийся геолог и петрограф, академик АН СССР (с 1939 г.). (Прим. Н. Л. Добрецова).

** П. И. Лукирский (1894—1954) — выдающийся физик, член-корреспондент АН СССР (1933 г.), академик (1946 г.). (Прим. Н. Л. Добрецова).

Владивосток

19/IV

...На вокзале нас никто не встретил. Сдали вещи на хранение и, строя разные гипотезы по поводу отсутствия Пырхова, отправились мотаться по городу. Не прошло и десяти минут, как из обгоняющего нас трамвая вылетел человек. Только удивились, как нелепо прыгают здесь с трамвая, как пришлось приятно удивляться: это был Пырхов. Докладывает — дела не блестящи... Зашли в кафе — две булочки и стакан простокваша 1 р. 40 коп.! Однако! Что-то будет с нашими финансами! Для визы на въезд на Камчатку сфотографировались в «суючной фотографии». Ну и название!

Перед обедом решили сходить в баню. Первая очередь — я и Ал. Ник. Номеров свободных нет! Идем в общую... В раздевалке грязь. В бане темно, тесно, грязно (ленинградская баня, сжатая в 10—20 раз, но с тем же количеством людей и грязи). Остальные, услышав от нас о прелестях здешних бань, мыться не пошли.

Вечером я и Юл. Ник. были в кино. Часов в 11 возвратились в гостиницу, Номер, который должен быть нашим, еще не освободился. Сидели и ждали до 3 ч. ночи, пока наши предшественники вытряхнутся из комнаты.

22/IV

...Утром — опять кипяточные страдания. Достали кипяток на вокзале. Ходили на китайский базар любоваться китайской едой. Я попробовал бобового киселя — ничего, есть можно! Вечером катались на лодке по Золотому Рогу. Впрочем, катанье это можно назвать только с большой натяжкой. Не лодка, а гроб. Ползает, как пешая вонь. Но мы для этой лодки достигли приличной скорости — ибо хозяин ее говорил, что мы «носились, как миноноска»...

23/V

Настало счастливое время насчет кипятка: договорились с прачкой, она будет греть воду. Ходили с Юл. Ник. болтаться. Дошли до конца Ленинской. Потом поднялись на какую-то гору (~200 м). При обратном спуске Юл. Ник. побежала, запнулась за камень и очень эффектно совершила сальто-мортале. Я уж думал — разбилась! Однако все кончилось благополучно.

24/V

...Получены вести о пароходе. Через два-три дня идет «Орочен», но на него не попасть. Около 2—3 июня идет другой пароход. Ориентируемся на него.

Вечером я, Юл. Ник. и Бор. Ив. путешествовали в «горы»: восхождение, вернее влезание на «пик Л. Добрецова». Репутация моя в экспедиции не из блестящих. Серг. Карл. в разговоре ввернул фразу: «...такой же, как Вы, шальной...». Здорово! Ну, постараюсь быть серьезным.

26/V

...Вечером поехали помогать перевозить продукты с одного склада на другой. Подъезжают два грузовика — трехтонки, усаживаемся в них и полным ходом мчимся на Чуркин мыс к складам АКО. Юл. Ник. сидит на задней стенке платформы, рискуя вылететь. Уговоры не действуют (как всегда)... Мы с Бор. Ив. занимались укладкой ящиков на грузовике. Юл. Ник. — без работы. С удовлетворением отмечали достаточное количество печенья, конфет и сахара. Очень мало сливочного масла. Приходится ориентироваться на сало не убитых еще медведей...

27/V

...Ходили в амбулаторию на саносмотр. У всех оказались изъяны... — инвалидная экспедиция, по выражению врача. Мих. Георг. возмущен тем, что врач спросил его — нет ли у него триппера!

Вечером пошли пройтись — я, Юл. Ник. и Мих. Георг. По дороге зашли в китайский театр. Помещение театра довольно невзрачное. Сцена — помост, сзади занавеска, из-за которой выходят артисты. На занавеске нарисован... трактор! Таков дух времени — в китайском национальном театре, где разыгрывают пьесы тысячелетней давности. В партере вместо рядов стульев — столики, за которым зрители во время спектакля пьют чай, едят и пр. Публика сплошь китайцы, держатся по-домашнему. Первое впечатление — лузг орехов на фоне гула разговоров. Начался спектакль — разговоры не прекращаются. Содержание пьесы для нас осталось непонятным. Интересная игра — вроде игры киноартистов на заре кинематографии, и костюмы — шелковые, цветистые, но не бьющие в глаза. Спектакль сопровождается китайской музыкой. Такой музыкой есть надежда спугнуть чудовище, которое съедает солнце во время затмений...

3/VI

Сегодня, кажется, получили билеты. Обещано два мягких и один классный жесткий. Остальные — в трюм. Мы с Ал. Никол. пошли в АКО попытаться получить еще плацкартные места... Ал. Никол. заливал, что дают, мол, одно место, а у нас еще один профессор, да знаменитый художник, почти всемирно известный... Страшно неудобно!... Не откажите ... и пр... «Профессор» из АКО повертел хвостом и побежжал устраивать дело. Обещали содействие. Надо только подождать

тов. Андреева. Захожу через час... В третий раз «профессор» побежал. Прибегает «не в себе».

— Вы получили три места!...

Черт! Им все известно! Изображаю недоумение, радость такому успеху, и с позором смываюсь...

Вечером — большая драка на книгах с Юл. Ник. Она меня Ремарком по башке, я ее Бальзаком. Подрались на славу!

Да! За этот день надо отметить стрижку в китайской парикмахерской. Пришел, сел. Показываю китайцу парикмахеру — убавьте спереди... «Моя знает!...». Снял очки и отдался на волю парикмахера. Он стрижет, а я без очков не вижу, что выходит. По окончании одеваю очки — оказывается, подстрижен ежом! Вид довольно дикий!

На Камчатку!

9.VI

...В 10 часов вечера отошли, наконец, на рейд. По-видимому, завтра отойдем. Опишу наше обиталище. Трюм. В трюме наскоро сделанные сплошные нары в два этажа. На нарах — люди всех возрастов и полов, вперемешку с вещами. Между нарами — вонь, густо насыщенная всяческими звуками — ревом ребят и гармошек, гулом разговоров, смехом, треньканьем балалаек и шумом мотора. Ночью — вонь стущается, живой свет заменяется мерцанием электролампочек, а богатство звуков — однообразным храпом и сопеньем. Мы занимаем жилплощадь во втором этаже — по 3/4 линейных метра нар на человека. Лежим вповалку, подостлав для чистоты палатку, а для мягкости — свое барахлишко... Однако пока что живем неплохо! Коровам на палубе хуже!

10/VI

...Пароход идет вдоль берега. Ну, значит, идем через Лаперузов пролив. Любуемся морем, волнами. Да, цвет морской воды даже в пасмурную погоду совсем особенный. Айвазовский не врет! Юл. Ник. упорно режется в карты с рабочими. Учится играть в козла ... Разговор в трюме во время дискуссии:

— Ты чего агитацию разводил?!

— Что?! Я агитацию развозжу? А что, я против советской власти?

— Да что ты понимаешь насчет агитации! Тоже! Еще грамотный!

— Чего понимаю! Агитация — это когда против советской власти...

Вечером смотрели свечение моря...

13/VI

...Около 4-х часов ночи встретили ледяные поля. Прошли их благополучно. Качка стала бортовой — укачивает сильно. Утром не мог

есть и пить. Матросы-китайцы занимаются торговлей. Продают папиросы, махорку, пиво, квас. К вечеру качка уменьшилась. В трюме ревут гармошки. Ожили люди... Вечером можно было наблюдать, как целое семейство мирно занималось вошебойным промыслом... Бор. Ив. вертится, не спит. Вишь, вши, говорит, заедают. Клянет все на свете...

16 /VI

Идем вдоль берега Камчатки... Часа за четыре до Петропавловска берег стал виден лучше. Мрачные скалы, окутанные облаками. Сопок не видно. Появляется какая-то сопка. Определяем с Ал. Ник., что это Вилючик. С. К. авторитетно утверждает, что это Коряцкая. Доктор подтверждает. Пом. капитана говорит — Авача. Оказывается, все-таки Вилючик. Я злорадствую.

Постепенно проясняется. Камчатские берега выступают во всей своей мрачной красе. Облака дополняют картину, создавая настроение... Входим в Авачинскую губу. В 8 ч. 50 мин. по Владив. времени бросаем якорь.

В Петропавловске

17 /VI

...Первое впечатление от Петропавловска — серое одноэтажное дачное место. Серое не в смысле скучное, а серое по цвету. Цвет определяется и заборами, и пакгаузами, и крышами из американского и японского гофрированного железа.

В избе, приготовленной для нас, организуем чаепитие... Камчатская жизнь начинает нравиться. Возьмите, например, курево — курим «Волго-Дон»! До полного блаженства не хватает вымыться в бане! К сожалению, это удовольствие (насущнейшая необходимость для трюмных пассажиров!) откладывается. С горы открывается вид на Авачинскую губу, вулканы, полузакрытые облаками, океан, хребты противоположного берега губы. Красота!.. Очень интересен естественный мол, отделяющий так называемый Ковш (собств. Петропавловский порт) от Авачинской губы — совершенно прямой, узкий, оставляющий проход, очень удобный для прохода судов. Не верится, что это сделано не руками человеческими!

При спуске обратно в город играем в снежки, кувыркаемся, дурим...

Спать ложимся в палатках. Ал. Ник. с Мих. Герг. в одной, я, Бор. Ив. и Мих. Тим. в другой, Юл. Ник. с Серг. Карл. — в избе. Красота! Эх, жизнь!

18 /VI

...Интересный штрих для характеристики здешних мест. В Горсовете обсуждается вопрос об уборке мусора в городе. Куда увозить?

Город между гор, подперт морем, увоз мусора — проблема. Вносится проект — подвесная дорога на Авачу и мусор валить в кратер. Но!... «А при извержении все обратно?! Спасибо!». Хорош и размах проекта, но еще лучше мотив против проекта!

19/VI

Пробовали с Серг. Карл. сходить в хим. лабораторию АКО, но по дороге туда выяснилось, что химика там нет. Тогда я пошел навстречу Ал. Ник. и прочим, которые пошли изучать Никольскую гору. Т. к. по пути были собаки, то я решил их обойти, пройдя через гору. При спуске сорвался и полетел с кручи, но благополучно зацепился за камень, не повредив ничего. На берегу залива рыболовная артель тащила невод. Когда вытащили мотню, то рыбой наполнили примерно половину большого кутаса. Эффектное зрелище представляет мотня с набившейся рыбой — густая каша примерно из десяти—двадцати тысяч сельдей. Местные жители, ребята приходят к неводу и берут штук по 15—20 сельдей себе — рыбаки не протестуют...

21/VI

Ходил с Юл. Ник. в педтехникум, смотрел физ. кабинет — что там есть и что могло бы пригодиться в нашей работе? Кабинет бедный...

После обеда поднимались на Мищенную гору. Вид оттуда на вулканы — что надо! Все три сопки как на ладони. Сегодня впервые в этом году нюхал дым костра — мы на вершине разводили огонь. Просто так, для романтики. Там же, на вершине, снялся в виде Будды — ноги калачом, руки на коленях, язык высунут, глаза навыкате...

Погода портится! С моря ползет туман, прорвавшись сквозь ворота Авачинской губы, и длинным языком лежит над водой. Постепенно облака тумана густеют, утолщаются, лезут по склонам гор, прорываются долинами и, как татарская орда, заливают Петропавловск. Повидимому, завтра погода будет не того!

23/VI

Ходили в местный музей, смотрели фотографии. Многие сделаны очень художественно, особенно фотографии участников Шведской экспедиции 1924—28 гг...

...В 6 ч. вечера должна была состояться информация Ал. Ник. об экспедиции в окр. исполнкоме (или как здесь называют — в «парламенте»). Но люди не пришли заседать, глядя на хорошую погоду, и доклад отложен на завтра.

...Интересный штрих для камчатских нравов. Заведующим научно-исследовательским отделом АКО служит бывший актер (с партбилетом и наружностью дьяка-расстриги). Во Владивостоке этим отделом заведует историк!

25/VI

Спали мы сегодня в спальных мешках. Очень удобно и тепло! Не дует, не раскuttaешься. Утром приходил будить нас Ал. Ник. — не добудился, уж очень хорошо спать в мешке!

Завтра утром наши поедут на Авачу. Юл. Ник. тоже завтра уезжает на Паратунку с Новограбленовым (краеведом). Остаюсь здесь на съедение Серг. Карл. Настроение — тускнейшее! Невелико удовольствие — общество С. К.!

26/VI

...Все катера заняты и отъезд Юл. Ник. с Новограбленовым откладывается! Я очень рад — хоть одна живая душа остается. Пришлось ей перепрягаться — а то одела штаны, сапоги и проч.

После отъезда наших на Авачу начали с Серг. Карл. разбирать лабораторию. Достали еще два стола, прибили полки, раскрыли 5 ящиков (впереди еще семь!). Собственно, все это делали мы с Юл. Ник. Сер. Карл. переставлял склянки-банки с одного места на другое.

28/VI

...Окончательно распаковали лабораторию... Отъезд Ю. Н. опять отложился до завтра. Юл. Ник. устроила стряпню — «фанерный» пирог! На Камчатке — фанерный пирог! Не хватает саламата!

На Авачу!

6 июля я выехал на Авачу. Утром — беготня, сборы, выоченье, обед, шахматы. В 2 часа я и Вас. Степ. (Кулаков) отправились из Петропавловска. С нами шли две выочные лошади. Дорога идет сначала около озера, затем вступаем в лес. Лес похож на наши северные леса, только вместо ели и сосны — береза обыкновенная и эрмановская, густая трава, особенно шеломейник. Пока что шеломейник не высок — метра полтора. К концу лета он вымахивает до 2 и более метров.

Километров в 9 от Петропавловска наш путь свернул с проселка на выочную тропу. Стали попадаться сухие тукары — безлесные полянки, поросшие мхом и низким стелющимся вереском. Тут, говорят, раздолье для медведей. На пятнадцатой версте сделали привал. Еще километров 4—5 — и тропа пошла по дну узкого овражка — Лабиринта, из которого мы вышли на Сухую речку. Из леса, из области буйной зелени сразу перешли в царство смерти. Голая черная земля — грязевой поток с Авачи. На потоке хаос камней — черных, серых, красных. Кругом — туман. Километра два по Сухой речке — и мы в лагере. Вошли туда с песнями.

7.VII

...Решили я, Вас. Степ. и Бор. Ив. подняться на Авачу. Забрал я свою походную хим. лабораторию, геологи — молотки и пробирки, шамовку — и мы, подпираясь палками, отправились в путь. Сухая речка. Между зелеными берегами — река из вулканического пепла, камней, грязи. Вид, очень похожий на отвалы топок паровозов. Кое-где лежит снег. Подъем легкий. Полтора часа пути — и мы перед концом лавового потока. Гигантским языком вытянулась каменная громада потока. Конец языка — обрыв метров десять, закрытый снегом, лежащим перед нами. Поднимаемся на поток и, оставляя его справа, идем по месту, напоминающему Сухую речку. Только вулканических бомб больше — каменных глыб, растрескавшихся, как хлебная корка. Подъем несколько круче, однако идем легко. Вот и снежные поля. Сверху снег покрыт вулканическим песком. Идти тяжело — уклон стал круче.

Погода как будто улучшается. Внизу, там где мы шли, — сплошное море тумана. А здесь — куски голубого неба между облаков. Открывается вид на конус Авачи с соммой*. На скале над атрио* — Кутхаха (каменный палец, названный Кутхой в честь бога камчатских аборигенов).

Выходим к подножью конуса. Подъем градусов 30, идти тяжело. Сказывается и вчерашнее путешествие, и недостаток тренировки. Через 50—60 шагов останавливаемся на минуту отдохнуть. Через 5—6 таких остановок — небольшие привалы минут по 5—8. Вот уже видна Ко-зельская сопка. Облака в виде вала под нами. Над ними высится вершины Мутновской сопки, Вилючика, да клубы дыма Горелого хребта. Вершина Авачи затянута облаками. Из-за соммы идет туман и скоро все кругом залито молоком. Мы уже с большим трудом продвигаемся вперед. До кратера не то 200 (о, ужас!), не то 100 (ох, тяжело!) метров подъема. Присаживаемся отдохнуть. Седые космы тумана лезут мимо на вершину... Из щели меж камнями тоже лезет какой-то туман. Пробуем рукой — тепло! Газовый выход! Кратер близко! Спускаемся в борранкос и находим еще несколько выходов. Явный запах сернистого газа. Бор. Ив. бросается собирать в пробирки какие-то кристаллики...

Туман чуть редеет. Оказывается, мы находимся метрах в 20 от края кратера. Мрачное место! Запах серы, выцветы на камнях, хаос лавовых глыб, туман — ну прямо преддверие ада. Еще несколько усилий — и мы на краю кратера. К сожалению, кратер залит туманом. Не видно не только дна, но и стенки ниже 5 метров. Стенка, на которой мы сидим, — толщиной 6—8 метров. Скатываем глыбу — стенка заметно вздрогивает. Вот-вот обвалится. Становится немного не по себе...

* Сомма —сохранившаяся гребнеобразная часть более древнего вулкана, окаймляющая возникший в образовавшейся впадине новый вулкан, отделенный от гребня кольцевой долиной — атрио.

Отправляемся обратно. Туман сгустился. На десять метров вперед не видно. Но мы со скоростью лошади несемся по осыпи вниз. Попадаем на снег. На ботинках, тормозя палками, катимся по талому снегу. Смак! Только не зевай! Взирались по конусу часа 3 1/2, обратно скатились в полчаса! Вот и атрио. Крутой спуск кончился... Полтора часа — и мы в лагере. Ужин, разговоры — и спать.

Разное

9.VII

Петропавловск... Вечером ходил с Ю. Н. к Новограбленову в музей. Потом болтал в ее палатке (которую прободала корова). Разговоры затянулись. Просидел до двух часов. Пошел спать. Электростанция, мешавшая спать, молчала. Была луна...

10.VII

Утром — ничего не делал, т. к. Ю. Н. и пр. отправлялись под Авачу. Юлька уехала!! Хы!..

Разговаривал с нашим соседом — здешним знаменитым охотником. Он — учитель с Урала. На Камчатке с 1905 года. До 1917 г. — под чужой фамилией, т. к. бежал сюда с места высылки за пропаганду. Исколесил всю Камчатку и Чукотку, теперь работает в АКО. Ревматизм в ногах не пускает на охоту... Знаком с Свенсеном — шведом-американцем, который вел торговлю с Камчаткой и Чукоткой. Свенсен — всюдуправлялся сам. Затирало на шхуне у острова Врангеля — пешком приходил на землю. Разбило шхуну — на веслах добрался за 400 миль до Камчатки. Его спросили — возможна ли революция в С.А.С.Ш.? Конечно!.. Когда? Скоро?.. — Когда американские рабочие услышат, что русские рабочие получают на доллар больше, чем они!..

19/VII

...День провел в лагере у геологов. Болтал с Юл. Ник. о разных вещах. Все равно дома делать нечего. Спал в палатке с рабочим. В общем, живу курортной жизнью. Однако курортная жизнь надоела до дьявола.

20/VII

Утром после чая отправился с Юл. Ник. в наш лагерь. Туман скрыл горы до 1000 метров и работать ей все равно нельзя. Шли не торопясь. Она, замечтавшись, раза три клевала носом, зацепившись за корни.

Дошли... Юл. Ник. напекла оладьи. Смак! За обедом, когда Ю. Н. стала угождать, Медведев изрек: «Да чево! Есть — на себя работать! Нечево понукать!».

Зачитавшись книжкой, Ю. Н. опоздала домой. Остается ночевать. Сейчас туман, густой, как сметана, залил Сухую речку, горы, лес. Мир стал узок — рукой подать. Сыро, мокро! Если и завтра так — на Авачу не поедем.

21/VII

...Утром встал часов в 6. Легкий туман — идти можно! Взял из прошлых лошадей серого мерина, да нашего Серка, смотал монатки, навьючил и в 8 утра я, Медведев и Мороз пошли с двумя лошадьми на Авачу. Лошади шли с трудом, некованым ногам доставалось. Однако дошли благополучно.

...Стали разбивать палатку. Нелегкое дело! Ветер рвет, полощет, колья не держатся в рыхлом вулканическом пепле. Каждый кол приходится наваливать глыбами камня пудов по пяти. Кое-как поставили. Мороз с лошадьми отправился обратно, а мы с Медведевым стали устраивать палатку... Затем возожгли примус и вскипятили чай. Дров-то здесь, конечно, нет, и примус становится романтикой! Хо-хо!.. Примус в Ленинграде, костер в лагере и снова примус в нашем лагере на Аваче. Тот же примус, так сказать, на более высокой ступени развития!..

23/VII

Когда проснулись — неизвестно. Часы не ходят, а солнца нет. Ветер, дождь, летящий мелкий камень танцуют какой-то бесовской шабаш. Палатка еще стоит в целости и сохранности. Но... Малость соснул, а когда проснулся — лежу, вдруг под напором ветра палатка вздулась, веревки жалобно запели, лопнули, и мы оказались под дождем и ветром... Пока оделся, сунул в мешок бинокль, термометр..., руки закоченели от холода, кожанка и брюки промокли насеквоздь. Затянули добро палаткой, привалили камнями и, схватив палки, двинули с Медведевым на базу.

...Ветер не дает стоять на ногах. Дождь падает ... нет, несется с ветром параллельно земле. Обернешься против ветра — дождь и камни режут лицо. Одежда промокла до нитки. В ботинках камни, идешь как босой. Из-за дождя окружающее еле видно. По склону несутся бешеные потоки жидкой и полужидкой грязи. А мы почти бегом продвигаемся к базе... Безобидный поток у конца лавовых потоков вздулся в основательный грязевый поток, который в водопаде ворочает камни в рост человека. Сухая речка ... уж не сухая. По ней мчится река грязи. Но здесь идти легче, ветер меньше. Наконец — база. Руки изодраны, стерты до кровоподтеков, ноги болят от камней...

Нашел сухую рубашку, завернулся в одеяло Мих. Георг., на ноги — чьи-то ботинки, сверху — бушлат. Разводим костер. Вдруг является

Юл. Ник. с Черных. У них ураган порвал одну палатку, повалил другую и они, оставшись без крова, прибежали сюда. Не у нас одних катастрофа! Ю. Н. переоделась. Около костра стали сушить свое барахло. Вскипел чай. После горячего чая стало теплее. Однако!..

Из камчатских записок Ю. Н. Кель

Иногда меня тянет домой. Но это бывает редко; несмотря на плохое настроение, Камчатка со своими вулканами подавляет все. Хочется раствориться, слиться с ней. Какая дикая красота, она захватывает и увлекает меня!

Это лето богато впечатлениями и переживаниями. Какой бурный день пережила я 23 июля! В ночь на 23 разразился ураган. Никогда в жизни я не видела такого урагана. Я и Черных (рабочий) стояли лагерем на высоте 950 м около Камбальной Сухой речки. ...Вернувшись к вечеру в лагерь, я узнала, что мою палатку уже разнесло. Черных и я сели обедать-ужинать. Ветер все усиливался, крепчал, налетал порывами, с силой подхватывая и закручивая все на своем пути. В один из таких порывов моя бедная палатка не выдержала и свалилась, как подкошенная, — лопнули веревки. Пришлось ее сложить, а самим поместиться в одной палатке, где лежало продовольствие. Укрепили ее как только можно. Но наша палатка дрожала и трепетала, казалось — вот-вот, с новым порывом ветра ее унесет. Стемнело. К ночи пошел дождь.

Ночь провели тревожно, в ожидании того, что мы останемся без крова. Лежали, прислушивались к бушевавшему ветру и читали. Вдруг Черных обратил мое внимание на какой-то странный звук около палатки. Звук все приближался и стал ясно раздаваться около нас. Это ревел медведь — ураган и дождь выгнали его, и он искал себе убежище. Стало как-то жутко. Несколько минут мы лежали молча, прислушиваясь. Потом мишка стал удаляться, рев становился все тише и вскоре совсем затих. Я вздохнула свободнее, задремала.

Ветер между тем не прекращался, дождь усиливался. Наша палатка стала сдавать. Порвалось старенькое полотно самой палатки. Каждый порыв ветра подхватывал клочья палатки, и в один миг она накренилась на бок, грозя опрокинуться совсем. Мы уже промокли, пока с ней возились.

Решили отправиться на базу. Сложили все продукты и вещи вместе в одну кучу, накрыли двумя брезентами и двумя палатками. Ветер валил с ног, дождь хлестал с такой силой, что невозможно было поднять лица. Дождь пронизывал и колол все тело, а моим голым ногам досталось особенно.

С трудом передвигаясь, мы кое-как навалили камней на наши вещи, чтобы не унесло ветром, и отправились на базу. Неслись мы под гору, как черти... Камбалльяя речка превратилась в бушующий грязевой поток. Пришлось переправляться через него, рискуя сломать ноги или быть унесенным грязной водой. Камни то и дело сбивали с ног... Не обращая внимания на боль, мы кое-как, мокрые и грязные, взобрались на крутой склон берега и выбрались на большой спуск. Ветер рвал и метал, приходилось держаться за кусты, чтобы не быть опрокинутыми. На наше счастье, дорога проходила через лес, деревья смягчали удары ветра. Всю дорогу мы бежали, как только могли. Молча, каждый думал: скорее бы добраться! Было смешно и грустно.

Пришли на базу мокрые и усталые. Нас уже опередили сборщики газов Л. Н. и Медведев. Они также промокли. У Л. Н. был забавный вид: бабушка в одеяле. На мое счастье белье, захваченное с собой, не успело промокнуть, оно было повязано у меня на пояс. Это единственное место, где было сухо. Быстро переоделись, собрались все у костра. Начались рассказы о своих приключениях. Л. Н. и Медведеву досталось порядком. Они ведь были выше нас. У Медведева еще дорогой случилось несчастье — оторвалась пуговица у кальсон, они сползли и мешали бежать. Со смехом рассказывали свои злоключения...

...Закусив и обсушившись, я и Л. Н. долго любовались грязевым потоком. Чудное зрелище, мне впервые пришлось наблюдать такую картину. Грязевая масса клокотала и сердилась. Камни, как пушки, плавали в этой «воде». Нас чуть было не подмыло, но мы вовремя успели отскочить.

Из камчатского дневника Л. Н. Добрецова

28/VII

...Все еще сижу на базе. Идти на Авачу нельзя. Погода для меня сейчас определяет поведение. Туман — торчу на базе, тоска, безделье. Подвернись день солнечной погоды — иду на седловину, снова поселяюсь там и пр.

Впрочем, здесь хороши вечера. Как только стемнеет, мы все четверо собираемся у костра. Начинаются разговоры, споры, песни — такая жизнь! Ну, да у меня жизнь есть и еще в одном, а в чем — не скажу!..

Из камчатских записок Ю. Н. Кель

31 августа 1931 г.

Лагерь на высоком 2000 м «Аттрио». Погода стоит отвратная. Все ходят из палатки в палатку, слоняются, нечего делать. Даже наш

Авачинский авангард из-за тумана сидит в лагере. Туман затянул все кругом так густо, что едва за несколько шагов различаешь палатки. Уже третий день как выпал снег, упорно держится ноль градусов. Приятно топтаться по мягкому рыхлому снегу...

Вот уже три дня, как мы обречены на бездействие. Все грустят. Михаил Георгиевич приходит в бешенство от этой погоды. Александр Николаевич (Заварицкий) тихо ворчит, все это печально отражается на его здоровье. Мне, по правде сказать, такая погода на руку. Три-четыре дня провести в палатке — желанное явление для меня в данное время. Правда, больше этого сидеть в палатке, не зная, чем убить время и не имея возможности быть одной, больше чем грустно. Хочется хорошей погоды, солнца, лазить по горам и вообще быть в действии.

Моя самостоятельная работа вызывает некоторые опасения. Ведь впервые приходится работать по петрографии в поле, быть на изверженных породах со всей их сложностью... Все это время я чувствовала себя не вполне здоровой — это какая-то душевная слабость. Теперь прошло, я опять себя чувствую свежей и бодрой. Да! Трудно все-таки женщине работать в высокогорных областях, ... а главное — одна женщина среди мужчин. Но ничего, надо привыкать ко всему, мало ли что придется испытать и в какие условия попадать...

...Из дома я получила посылку — шоколад, была очень тронута заботой домашних. Милая мама, она не забывает свою упрямую дочку. Материнская любовь — она сильнее всего! Как-то тепло и хорошо стало от этого на душе. Милые папа и мама, как люблю я вас! Здесь, на далекой Камчатке, сильнее чувствуешь это.

...Да! Я должна внимательнее и серьезнее относиться к себе. Вот и теперь. Я произнесла свой приговор. Я дала слово и должна его сдержать. Об этом я думаю много. И я не раскаиваюсь, что дала согласие. Одно только меня удручет, что придется жить вместе сразу, как приедешь в Ленинград. Я хотела бы еще немного подождать, но он будет очень огорчен оттягиванием. Еще не могу привыкнуть к мысли, что я уйду из дома, буду жить самостоятельно..., вне своей привычной обстановки, без родных, где мне жилось, как у Христа за пазухой. Мне все кажется, что я все та же девочка и что мне не 22 года. Но этого не избежишь, рано или поздно надо выходить замуж* ... Немного грустно расставаться с привычной девичьей жизнью... То, что я буду его жена, это я решила твердо. Он не красив, но умен и даже порядком, а также любит и уважает меня очень сильно. Ну что ж, пришло и для меня время. Ленинград покажет...

* В том же году Ю. Н. Келль вышла замуж за Л. Н. Добрецова. (Прим. Н. Л. Добрецова).

Л. Н. Добрецов

ИЗ ДЖАРКЕНТСКОЙ ТЕТРАДИ

17.VII.1943 г.

Сбор в Университете* 17³⁰, отправление на вокзал — 18³⁰—19³⁰. 3 машины багажа. Заняли 4 вагона. 20⁰⁴ — отправление... В Илийск прибыли благополучно. Ночевали у домов Илийского пароходства. Вещи доставлены в порядке.

18.VII

Студенты работали по разгрузке зерна с баржи. В 17⁰⁰ погрузились на баржу «Алма-Ата» и в 18⁰⁰ отправились в путь.

21.VII

Рано утром (~6⁰⁰) прибыли в Баракудзир... Получено разрешение на 2 автомашины. Погрузили на них вещи. Народ бунтует, что приходится идти пешком. Особенно недисциплинированы: журфак, часть филфака. Бунтовали, но быстро успокоились биологи. Хорошо держались физ.-мат., рабочие и служащие. Приехал Беримжанов, и мы узнали, что нас ждали только 22.VII к вечеру и к этому времени должны были подготовить встречу и машины... Ночь провели у переправы. Холодно, ветер... стопка водки...

Трудно с непривычки управлять «массами», да еще без опыта переброски людей.... Получили разрешение на машины и поехали. Примерно в 2⁰⁰ были в Джаркенте. Перераспределили людей по бригадам и стали отправлять по колхозам...

В общем же настроение у людей неплохое, и положение дел удовлетворительное...

8.VIII

Утром звонок из райисполкома. Объявляют о том, что 15 человек перебрасываются в колхоз Авази...

* Казахский государственный университет (КазГУ) в г. Алма-Ата, где Л.Н. Добрецов был заведующим кафедрой физики. В начале 1943 г., когда немцы еще были в Сталинграде, вступил в партию, летом 1943 г. был парторгом КазГУ на сельхозработах. (Прим. Н. Л. Добрецова).

Выбрал самую маленькую бригаду. Пришли вызванные с поля студенты звена. Бунт, возмущение... Не поедем! Тянуть жребий? Мы — пятый курс, имеем право на льготы... Я уговаривал, стыдил, но на жеребьевку не соглашался. Сходил в правление колхоза и согласовал вопрос об изъятии. Вернулся — сопротивление продолжалось. Пообещали, предлагаю собираться — отказ. Мы не дурочки! Поищите дураков! Решительно потребовал сборов, возложил ответственность за срыв на звеневого. Отказ... Составил акт о случившемся, предупредил о снятии со снабжения, предложил звеневою подписать акт — подумали и пошли собираться. Было несколько приятно, что удалось победить! Едем в колхоз Авази.

...Подходим к поселку колхоза. Издали он красив — у обрыва горы прилепились глиняные домики с навесами, плоскими крышами... Переправляемся через бурную реку, идем мимо мельницы и приходим к правлению колхоза. Грузят казан, дают лепешки, соль, чай... Едем дальше — в гору и по медленно подымющемуся плато, мимо массива пшеницы к жилью бригады. Оно непрятительно — глинная мазанка в две комнаты. Скулеги V курса!.. Век не забудем, завезли и прочее. Натаскали на одеялах сена, поели и легли спать.

Л. Н. Добрецов (крайний справа в 3-м ряду) со студентами КазГУ на сельхозработах. Джаркент. 1943 г.

Я чувствую себя не способным вести организационную работу в колхозе. Не умею поставить себя «начальством», добиться, чтобы меня «побаивались». Все мне кажется, что я слишком много требую, можно обойтись и так. Нет «одесского напора»... Да и сам что-то стал склонен внутренне пасовать перед трудностями, замирять их, обходить, а не бороться! Паршиво!.. Куда лучше отвечать только за себя (вернее, мириться со всем только в отношении самого себя!). Хотелось бы пуститься в описание красот природы, но... воздержусь!

11.VIII

Встал ~ в 5, погода обещает дождь. Пошел ждать председателя колхоза. Он еще спит. Провел небольшую политинформацию среди колхозников, находившихся в правлении. Пришел председатель, поговорил с ним, но без особого толка. Он плохо говорит по-русски и со всем соглашается, но, вероятно, ничего не сделает. Послушали в 8 часов сообщение Совинформбюро. Составил небольшое резюме и оставил у уполномоченного РК. Взял письма и пошел на поле проститься со студентами. Среди студентов «вражда» из-за выполнения и перевыполнения норм... Судачат, спорят о неправильном обмере и т. п.; даже на поле ругались, как базарные бабы. Рассказал анекдот про рай немецкого ученого, про то, что слово — серебро, молчанье — золото... и в путь!.. Дошел до колхоза им. Молотова... Скоро студенты пришли на обед. Обед — суп, лапша с помидорами и поджаренным луком — очень вкусен, а вот лепешки горькие. Живут студенты дружно, работают дружно.

13.VIII

Отправил письма, которые надавали в колхозе. Спросил себе до востребования, но, увы! ничего нет. Ходил в парикмахерскую, на базар, в РК; читал газеты, завтракал, спал, пробовал заниматься, распаковал ящики, обедал и скучал, скучал, скучал!.. Нет, без семьи не отдых.

23.VIII

...После обеда купил дыню. Хороша дыня! Но только обидно, что ем я ее один, без ребятишек! Хоть бы один из них был со мной! О маме, об Оле, братьях говорили бы, дыню бы вместе ели... а то один, без них, без Юли! Ну, не надо раскисать... Вечер... горит лампочка, можно читать, писать, но тоскливо без семьи!..

24.VIII

Вчера подсчитал сумму трудодней, заработанных студентами по 19.VIII включительно, — 4390... В колхозе Калинина создалось напряженное положение в бригаде: бригадир и бригада противопоставляют друг другу. Было собрание, но оно только обострило ситуацию. Берим-

жанов кое-что выправил, но придется туда ехать выправлять положение... В Авази непорядки, бригада работает слабо...

1.IX

...Бегал в Райсовет, райком по поводу отправки. В райкоме телеграмма о фронтовом двухнедельнике и задержке студентов до 15/IX. Мы раньше и не собирались уезжать...

Вечер, я один... тоскливо, неспокойно на душе. Плохо человеку одному! Скорей бы домой, к Юле, к детям. Как-то они живут? Бесменная домовница! Хорошая, милая Юля! .

7.IX

Утром разбудили девушки своим галдежом по поводу обуви... Соколовская подсчитала трудодни с 24/VII по 6/IX — 330! Итак, всего 914. Результат последних двух дней у них блестящий. Еду в Пиджим слушать радио. Вернулся, сообщил студентам, пришедшим на завтрак, последние известия, позавтракал и в путь!..

18.IX

...Пошел в РК, сообщили, что Брагин передал распоряжение о задержке студентов до 25/IX... Пришел Брагин. Я указал ему на все трудности передвижки срока отъезда, на его нерациональность и, наконец, на незаконность. Он сказал, что таково решение СНК и ЦК, и предложил идти звонить в колхозы об отсрочке отъезда... Вот будет кутерьма! Беримжанова все нет! Куда он пропал, ведь обещал быть к 1 часу! Восточный человек! Обещает не для того, чтобы сделать, а чтобы отделаться! Эх, дела! Отъезд отсрочивается, ребят, Юли до 25-го не увижу! И зачем Брагин сунулся в наш отъезд! К тому же, работы будет немного, а разговоров, расстройства, ругани — не обещешься! Который вечер сижу я вот так и тоскую по дому, по детишкам, по Юле!.. Послал Юле телеграмму с поздравлением Оли и известием о задержке...

21.IX

Ходили в Райком, разговор о трудоднях, говорили много, но толку мало. Вечером отправил телеграмму Лукьянцу с просьбой помочь пароходом и баржой.

2.X

...На Барахудзире и холодно, и голодно, и болеют. Кто-то будет отвечать за все это? За не оправданные ничем мучения? А мне ехать без хлеба, без реальных мер улучшения положения, ехать уговаривать, проповедовать смиление и терпение?.. Тяжелая миссия!

3.X

...Воскресенье... «Что день грядущий нам готовит?!»... Решили послать телеграмму Скворцову:

«Студенты КазГУ работавшие уборочной Панфиловск. р-на мелководья или отсутствия парохода больше недели не могут выехать Баракадзира тчк Дождливой холодной погоде летней одежде находятся открытым небом продукты кончились много больных тчк Наши обращения району безрезультатны тчк Просим разрешения вывезти мелкосидящими судами или машинами тчк Руководители студентов Беримжанов Добрецов».

9.X

...Появились надежды, что завтра-послезавтра мы уедем...

10.X

Договорились с Джамбуршиным об отъезде 12-го, о помещении студентов в городе, о вызове студентов. Написал отношения в колхозы...

Да!.. Сегодня Райисполком получил телеграмму: «Обязываю обеспечить немедленную переброску станцию Сары-Озек машинами автобата студентов Ун-та исполнение телографьте. Председат. СНК...»

...Ночью страдания от вшей.

11.X

Утром сборы вещей... Отъезд состоится завтра в 5 утра... Беготня, дерганье...

12.X

Пробнулся около 4-х...

Малый перевал (км 50 от Джаркента), красивое ущелье. Авария машин. 4 шт. идут на буксире 81 км. Все машины собрались... Дорога все выше, выше... девушки в восторге... Подъезжаем к Сары-Озеку, едем к станции, сгружать вещи, ночевать — в клубе.

13.X

...Пришли 4 старых вагона... Беримжанов договорился о санобработке, я о бане узнал, когда работает, пропускная способность... Мылись с таким удовольствием, как никогда! Пели песни и мылись. Вещи в это время «поджарились», и мы оделись... Объявили порядок посадки и стали грузиться.

14.X

Пробнулся часов в 8. На улице лежит снег, холодно... Мы все еще в Сары-Озеке... 11³⁰ маневрируют... прицепляют..! Едем так называемые

мой «вертушкой». Девушки поют, считают часы, что нам еще ехать...
Еще одна ночь в пути.

15.X

Приехали на Алма-Ата часов в 6³⁰ утра. Пошли с Беримжановым на станцию, узнали, что вагоны будут перегонять в город часов в 11—12. Многие уехали с передачей в город. Собрал свои вещи воедино. В 12⁰⁰ двинулись в последний марш!

Приехали, выгрузились... машин нет... нанял тележку и ... домой.
И вот я дома!..

В лагере у подножия Авачи. На переднем плане академик А. Н. Заварницкий, женщина за столом — Ю. Н. Кель. 1931 г.

**Ходатайство Л. Н. Добрецова
о возвращении в Ленинград**

Секретарю Центрального Комитета
Коммунистической партии большевиков Казахстана
Тов. Боркову

Тов. Борков!

Я — кандидат физико-математических наук, зав. кафедрой экспериментальной физики Казахского Государственного университета, доцент Добрецов Л.Н. приехал в Алма-Ата по приглашению КазГУ в 1938 г. и работаю в Университете до настоящего времени. Осенью 1944 г. я обратился к ректору КазГУ т. Лукьянец И. К. с просьбой отпустить меня в конце первого семестра учебного года из Университета в связи с желанием перейти на работу в другой город. Ректор, выслушав мотивы, просил меня проработать в КазГУ до конца учебного года и обещал летом отпустить с работы. Об этом я сообщил в письмах некоторым своим знакомым.

В январе 1945 г. получил приглашение на работу от Ленинградского Политехнического института на должность профессора кафедры экспериментальной физики и сообщил об этом т. Лукьянеч. Ректор, однако, не выполнил своего обещания не препятствовать моему переходу на работу в Ленинград и отказался дать телеграмму директору Политехникума о своем согласии на мой отъезд по окончании учебного года. Во время командировки т. Лукьянеч в Москву я убедил его заместителя проф. Покровского и секретаря Партбюро т. Грингруэ в том, что меня можно и следует отпустить, и ими была отправлена т. Лукьянеч соответствующая телеграмма, в ответ на которую ректор, по его словам, телеграфировал свое согласие (телеграмма, однако, получена не была).

По приезде ректора, в начале апреля, я вновь поставил вопрос о моем отъезде. Ректор, поговорив со мной, просил меня еще подумать и обещал, что в случае, если я все же решу ехать, дать телеграмму в Ленинград о своем согласии. К этому времени я получил еще приглашение на работу заведующим кафедрой электричества в Ленинградский Государственный Университет, где я учился и работал до отъезда из Ленинграда. Подумав, я приехал к т. Лукьянеч и заявил о решении уехать.

Ректор опять не дал согласия и отложил решение вопроса до следующего дня, а через два дня сообщил, что я должен по вопросу об отъезде переговорить с зам. председателя КВШ т. Агроскиным, бывшим тогда в Алма-Ата, и с секретарем ЦК тов. Яковлевым. Добившись свидания с тов. Агроскиным, я объяснил ему положение дела и получил приглашение зайти к нему через два дня. В назначенный день тов. Агроскин, однако, меня не принял, а затем уехал в Москву. Тов. Яковлев принял, выслушал и обещал поговорить с ректором. Ректор сообщил мне, что тов. Яковлев распорядился меня не отпускать. Я вновь добился приема у тов. Яковleva и он, по-видимому, склонившись меня отпустить, обещал еще раз переговорить с т. Лукьянец и просил зайти через три дня. В назначенный день тов. Яковлев меня не принял, обещав сообщить свое решение мне по телефону или через т. Лукьянec. Не сообщив ничего, т. Яковлев уехал в командировку. Ректор Университета заявляет, что он не возражает против моего отъезда, но не может дать телеграмму о своем согласии, т.к. не имеет разрешения т. Яковleva.

Еще в январе месяце я указал ректору на сотрудника КФАН тов. Чердынцева В. В. как на человека, который может меня заменить на работе в КазГУ; договорился с ним об этом и приходил к т. Лукьянec, а в его отсутствие к проф. Покровскому, которым В. В. Чердынцев сообщил о своем согласии на работу в КазГУ. Таким образом, по-видимому, нет деловых соображений, по которым имело бы смысл удерживать меня в Алма-Ата и еще дальше тянуть окончание этой, как Вы видите из ее краткого изложения, очень затянувшейся истории.

Я не решился бы отнимать Ваше время, если бы не потерял надежды на разрешение запутавшегося вопроса о моем отъезде без Вашего участия. Очень прошу Вас, тов. Борков, не отказать мне в помощи и дать указания лицам, от которых это зависит, не откладывать разрешения на мой переход на работу в Ленинград, так как иначе я могу оказаться не готовым к новому учебному году на новом месте работы.

1945 г.

Классический характер*
100 лет со дня рождения профессора Л. Н. Добрецова

12 ноября 2004 г. в большом актовом зале Физико-технического института им. Иоффе РАН состоялось торжественное совместное заседание Ученых советов ФТИ им. Иоффе РАН и Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, посвященное столетию со дня рождения профессора Леонтия Николаевича Добрецова — выдающегося ученого, одного из основоположников эмиссионной электроники, автора классических монографий и учебников в этой области.

Открыл заседание научный руководитель ФТИ им. Иоффе РАН, Нобелевский лауреат академик Ж. И. Алферов. В своем выступлении он высоко оценил заслуги профессора Л. Н. Добрецова в развитии физической электроники и охарактеризовал его как принципиального ученого, взыскательного учителя и, в то же время, исключительно доброго и самоотверженного человека, воспитавшего большое количество физиков — специалистов в этой и смежных областях физики и техники. Всем памятны глубокие выступления и критические замечания Леонтия Николаевича на семинарах, заседаниях ученых советов, защите диссертаций, в том числе на защите кандидатской диссертации Ж. И. Алферова, философских семинарах.

С большим докладом, посвященным научной деятельности и жизни Л. Н. Добрецова, выступила главный научный сотрудник ФТИ, д. ф.-м. н. М. Гомоюнова — ближайшая сотрудница и ученица Леонтия Николаевича, соавтор совместной с Л. Н. Добрецовым монографии «Эмиссионная электроника» (М.: Наука, 1966). Она отметила, что Л. Н. Добрецов успешно сочетал проведение тонких физических экспериментов в своей лаборатории в Физтехе с напряженной работой на кафедре ЛПИ, которую он унаследовал от своего учителя — академика П. И. Лукирского. Важной частью его деятельности являлась совместная работа с предприятием «Светлана» — крупнейшим в СССР производителем радиоламп и другой техники, использующей генерацию электронных пучков в вакууме. Страстью Л. Н. Добрецова являлись путешествия по бескрайним просторам нашей страны от Средней Азии до Камчатки, а также по зарубежью (Албания, Чехословакия и др.).

* «Наука в Сибири». 2004. № 46.

О большом вкладе Л. Н. Добрецова в подготовку научных и инженерных кадров страны рассказал профессор СПбГПУ В. Кораблев. Он отметил, в частности, большую роль школы Л. Добрецова в формировании в послевоенный период мощной и передовой по тем временам отечественной радиотехнической и электронной отраслей промышленности с высококвалифицированным кадровым составом. Многие из учеников Л. Н. Добрецова успешно работают на кафедрах СПбГПУ, в других вузах и научных учреждениях России.

С рассказом о Л. Н. Добрецове как одном из ярких представителей научной династии Келлей—Добрецовых выступил его сын Николай Леонтьевич Добрецов, ныне академик, вице-президент РАН и председатель Сибирского отделения РАН. Л. Н. Добрецов был заботливым отцом своих четырех детей и образцовым семьянином для многочисленных внуков и правнуков, часть которых присутствовала на заседании ученого совета. Как вспоминал Н. Л. Добрецов, его глубоко поразили слова отца о том, что не каждому суждено достичь высших вершин в избранной профессии, но каждый способен стать лучшим воспитателем для своих детей.

Выступивший на заседании член-корр. РАН А. Л. Асеев, директор Института физики полупроводников СО РАН, отметил классический характер научных подходов Л. Н. Добрецова и их актуальность при разработке современной элементной базы для новейших систем инфракрасной техники и техники ночного видения, использующих внешний и внутренний фотоэффекты в полупроводниках. Развитые Леонтием Николаевичем Добрецовыми представления, несомненно, сыграют важную роль при прогнозируемом развитии эмиссионной наноэлектроники, использующей, в частности, эффект аномально высокой эмиссионной способности углеродных нанотрубок и последние достижения нанотехнологий по созданию твердотельных аналогов эмиссионных приборов.

А. Л. Асеев